

Глава 1

МАТЕРИАЛЫ ПО ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКЕ В МАЭ В НАЧАЛЕ XX в.

Пополнение коллекций было одним из приоритетных направлений стратегии развития МАЭ в конце XIX — начале XX в. В период директорства академика В.В. Радлова — 1894–1918 гг. — эта задача была успешно решена.

Еще в записке об учреждении при Академии наук Музея антропологии и этнографии преимущественно России указывалось, что

«в сравнении с северо-американским, наш южно-американский отдел не богат и ограничивается лишь небольшими коллекциями из Бразилии и из Перу» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 33].

Академик В.В. Радлов (1837–1918), избранный на должность директора МАЭ в 1894 г., должен был решить задачу

«дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племен» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2].

Суммы, отпускаемые из казны на музейную деятельность, были весьма скудны, вознаграждение штатным сотрудникам невелико.

Первыми сотрудниками МАЭ были Федор Карлович Руссов и избранный в январе 1896 г. на должность второго ученого хранителя Дмитрий Александрович Клеменц. В течение 1895 г. была окончена каталогизация и укупорка всех предметов, приобретенных в течение последних лет, и произведена проверка значительной части выставленных коллекций из Африки и Новой Зеландии. Для дальнейшего ведения этих работ академик Радлов добился у Историко-филологического Отделения (далее — ИФО) Императорской Академии наук (далее — ИАН) дозволения нанять несколько лиц и расходовать на этот предмет из сумм, ассигнованных для содержания Музея, до 50 руб. в месяц [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 470. Л. 3]. Для регистрации и каталогизации коллекций, затянувшейся на годы, он приглашал образованных и мотивированных работников. По вольному найму были приняты с января 1896 г. г-жа Гулевич и г-жа Петри. Евгения Львовна Петри (1858–1923) стала одной из важнейших помощниц В.В. Радлова, приняла на себя хозяйственные обязанности, переписку на немецком языке с зарубежными музеями и арт-дилерами. Музей открылся 3 марта 1898 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 27]. Но публика допускалась туда только по пятницам.

Карл Карлович Гильзен (1864–1918), «вероисповедание евангелическо-лютеранское, занимался при МАЭ» с апреля 1892 по декабрь 1902 г. Академик В.В. Радлов 10 февраля 1900 г. пригласил его на временную работу при МАЭ для разборки северо-американских коллекций, приватно, с оплатой (30 руб. в месяц) из сумм МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 166, 179–180]. 11 января 1901 г. ИФО ИАН дало согласие пригласить К.К. Гильзена в качестве постоянного вольнонаемного служителя с оплатой 50 руб. в месяц из сумм МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1901. Ед. хр. 148. Л. 259]. 23 мая 1901 г. К.К. Гильзен был командирован в Берлин для изучения американских коллекций

на один месяц с 16 июля по 16 августа, ему были выданы 50 руб. и заграничный паспорт [Там же. Л. 299]. 28 мая 1903 г. ИФО ИАН разрешило выдать К.К. Гильзену 100 руб. за экстренные работы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 376] и приобрести у него библиотеку по антропологии и этнографии за 150 руб. из сумм МАЭ, которые были уплачены 11 июня 1903 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1903). Ед. хр. 26. Л. 60].

Статский советник в отставке Карл Карлович Гильзен был снова допущен к безвозмездной работе в МАЭ с внесением в списки служащих лиц 7 августа 1911 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1911. Ед. хр. 158. Л. 383]. В 1912 г. в ИАН ввели новые штаты, К.К. Гильзен стал выполнять обязанности заведующего отделом Средней и Южной Америки, его вознаграждение с 1 июля 1912 г. составляло 80 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 400 об.] Он был командирован от МАЭ на X Международный географический конгресс в Рим (14–21 марта 1913 г.) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 353 об.]. Награжден орденами Св. Станислава 2 и 3 ст., Св. Анны 2 ст. по прежней службе в Государственном Дворянском Земледельческом Банке [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914). Ед. хр. 74. Л. 38]. К.К. Гильзен скончался 30 мая 1918 г., его вдове было выдано 1000 руб. из музейных сумм [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 73. Л. 109].

С 1900 г. с МАЭ был связан Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 34]. По отношению Департамента Полиции от 9 июня 1900 г. за № 5568 ему было разрешено жить в Петербурге с 1 сентября по 1 декабря 1900 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1900. Ед. хр. 147. Л. 307 об.]. С 1 января 1904 г. Л.Я. Штернберг был назначен на вакантную должность старшего этнографа [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 413]. Л.Я. Штернберг в МАЭ занимался

«администрированием, документами, экспедициями, посетителями, отделом русских инородцев и народами Америки (почти половина всех коллекций)» [СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 90 об.].

МАЭ ИАН не имел финансовых возможностей, которые предоставлялись основанному в 1902 г. Музеем Императора Александра III (ежегодная сумма в 40 000 руб. только на приобретение коллекций против 3 тыс. руб., выделенных МАЭ в 1902 г.) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 55. Л. 19]. В его этнографический отдел перешли на работу немало сотрудников МАЭ.

В.В. Радлов в должности директора МАЭ продемонстрировал стратегические и тактические таланты, в которых выразился его опыт академического ученого и полевого исследователя. Он собрал коллектив единомышленников, любящих музей и преданных науке, инициативных, активных и образованных. Впоследствии В.В. Радлов признавал, что за первые 22 года директорства он сумел значительно расширить МАЭ (пристройка к музейному флигелю со стороны Зоологического музея, затем — надстройка третьего этажа и нового флигеля во дворе) [Соболева 2009 а: 225–231], добыл 200 тыс. руб. на экспедиции и покупку коллекций. Только за 1894–1914 гг. фонды МАЭ увеличились почти на 100 тыс. предметов [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916 г. Ед. хр. 8. Л. 27]. И все новые поступления были научно каталогизированы [Императорская Академия наук... 1917]. Признав приоритетными сборы экспонатов в России, он добивался передачи в МАЭ профильных коллекций из других музеев, выставок и пр. Экспозиционные площади МАЭ выросли в четыре раза. Эти достижения В.В. Радлова его соратники подчеркивали особо [Музей антропологии... 1907].

Благодаря усилиям В.В. Радлова МАЭ получил имя Императора Петра Великого (1902), что сразу повысило его статус и привлекало дополнительные вложения. По примеру Зоологического музея была введена плата за посещение МАЭ (1903). В надстроенном этаже музейного флигеля была развернута Галерея Императора Петра Великого. Когда 5 марта 1914 г. МАЭ посетил император Николай II, он одобрил план передачи музею здания бывшей Кунсткамеры после того, как оттуда выедет Библиотека Академии наук. Отметим, что примеру МАЭ следовали другие академические музеи: Геологический музей также получил имя

Императора Петра Великого в 1903 г., а в 1917 г. создал Попечительский Совет.

В начале XX в. академик В.В. Радлов успешно внедрял в практику управления вверенным ему музеем некоторые методы работы зарубежных музеев, в частности поиск внешнего финансирования.

Дирекция МАЭ активно использовала систему мотивации собирателей, которая постепенно расширялась и усложнялась. Система наград, принятая в МАЭ в конце XIX — начале XX в., включала несколько категорий: благодарности, малые серебряные медали, ордена, гражданские чины и почетные звания Российской империи, а также звание корреспондента МАЭ. Инициатором награждения выступал директор МАЭ академик В.В. Радлов. Решение принимали государственные органы после прохождения ряда процедурных этапов в ИАН и за ее пределами. После того как Государь Император подписывал соответствующий документ, начиналось оформление награды (печатаение диплома, перевод его на немецкий язык, изготовление орденских знаков и пр.). Получатель награды вносил взнос в казначейство в установленном размере.

В конце XIX в. ИАН ходатайствовала о пожаловании российских орденов лицам, оказавшим Академии значительные услуги. Речь шла о самых «массовых» орденах для награждения прежде всего чиновников — орденах Св. Анны 3-й ст. и 2-й ст., Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст. и 1-й ст. Предусматривалась очередность вручения орденов.

С 1898 г. вводилось звание корреспондента МАЭ. В 1903 г. академик В.В. Радлов просил разрешения Историко-филологического отделения ИАН выдать диплом на звание корреспондента Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого и доставить диплом Непременному Секретарю для подписания. ИФО утверждало данное лицо корреспондентом Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого при Императорской Академии наук *«за внимание к его особым заслугам по содействию научным задачам Музея и постановило*

выдать ему настоящий диплом», официально сообщало об этом решении директору.

С 1910 г. ИФО по предложению академика В.В. Радлова избирало предложенные им кандидатуры корреспондентами МАЭ. Далее эти кандидатуры должны были быть утверждены вышестоящими инстанциями. После утверждения на основании документа в Типографию ИАН направлялся заказ отпечатать диплом для конкретного лица на звание корреспондента. Для иностранных граждан к диплому прикладывался перевод (на немецкий язык). С 1898 по 1914 гг. всего был избран 21 корреспондент МАЭ, из них две женщины и девять иностранцев.

В 1909–1917 гг. значительную поддержку плановой научной и собирательской деятельности оказывал Попечительный совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого при Императорской Академии наук.

Стремясь отразить в музее культуру всего человечества, В.В. Радлов превратил МАЭ в серьезное научное учреждение, привлек видных специалистов, организовал планомерный сбор экспонатов, наладил систему публикации результатов научных исследований (с 1900 г. выходит «Сборник Музея антропологии и этнографии»). Штатные и приглашенные «по вольному найму» сотрудники МАЭ занимались разборкой и регистрацией старых и новых экспонатов, разрабатывали музейные и экспедиционные проекты. Они сумели превратить МАЭ в методический и консультационный центр, к которому отечественные специалисты и любители обращались по специальным вопросам (атрибуция находок, методика сбора коллекций, разработка проектов и программ, устройство музеев на местах и т.п.). Опыт МАЭ в области сбора, регистрации, экспонирования, управления коллекциями, подготовки персонала изучался и применялся другими музеями России. Сотрудники МАЭ инструктировали каждого своего корреспондента, консультировали коллекторов устно и письмами.

Наконец, 24 февраля 1916 г. В.В. Радлов представил на утверждение ИФО инструкцию для регистрации коллекций, разработанную на основе принятой в МАЭ системе регистрации.

Она была напечатана в Приложении к протоколу заседания ИФО ИАН и отдельной брошюрой тиражом в 100 экз. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 390–393 об.] Эта инструкция была реализована и во многих провинциальных музеях.

С 1899 г. МАЭ включился в систему выдачи открытых листов. Получили их сотрудники музея, отправлявшиеся в командировки, а также лица, работавшие на музей в России — собиравшие коллекции, делавшие рисунки и фотографировавшие типы, сцены, виды из народной жизни. Позже для работы за рубежом открытые листы стали печатать как на русском, так и на иностранном языке (английском, французском). С 1906 г. МАЭ стал ходатайствовать об открытых листах на проведение археологических раскопок.

В этот период МАЭ получил несколько коллекций от россиян, посетивших Южную Америку. Так, 6 августа 1906 г. барон Давид Горациевич Гинцбург передал в дар МАЭ крупную ценную коллекцию бытовых предметов обитателей Эквадора, собранную в 1889 г. братом его Л.Г. Гинцбургом. За этот дар ему была выражена благодарность ИАН [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 363].

25 (12) января 1906 г. генерал от артиллерии в отставке Н.П. Федоров отправил в дар МАЭ «различные вещи работы аборигенов Новой Зеландии, Австралии и о. Самоа» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 58. Л. 113]. Он писал директору МАЭ 30 ноября 1908 г. из Буэнос-Айреса (Аргентина):

«Милостивый Государь!

*Через посредство Русского Министра в Rio-de-Janeiro графа Прозоръ, я отправил из Rio-Janeiro 21 сего ноября, рапорт за № 7 в Главное Артиллерийское Управление с приложением коробки, в которой между прочими вещами были укупорены ниже наименованные предметы, которые я просил передать в Этнографический Музей ИАН, а именно: 1) гамак из фибр пальмы *Carinaiba*, из штата *Сеара*. 2) *Cuia* и *Bombilha* (трубка с сеткой на конце), составляющая вместе прибор для пи-*

тья *Herva Matte*. 3) 2 *Caia* с ручками, работы индейцев, живущих в окрестностях г. *Santarem*, на р. *Amazonas* при устье р. *Tarajos*. 4) Семена *Syphonia Elastica* и орешки *Caroça* — семена фруктов дерева *Urucury (Altaea Excelsa)* из дер. *SE (Seringueira)* добывают *Latex* и свертывают его обкуриванием в дыму от сжигания *Caroços*: свернутый *Latex* называют *Borrachofino*, а в Санкт-Петербурге — каучук *Пара*. 5) Семена деревьев *Saji (Arocadium Occidentale)*, из сока которых в С. Бразилии приготавливают вино. 6) Ракушки — Суданская мелкая монета и 7) Синие пуговицы — украшения, которые носят на лбу женщины из племени *Oulof*, приобретенные в *St. Louis (Senegal)*.

Из *Rio-Janeiro* через посредство Русского Консула, отправил в Естественно-Исторический музей при письме от 1 сентября ящик, в котором были укупорены коллекции бразильских бабочек, цветы из птичьих перьев и др. поименованные в письме, и я надеюсь, что обе эти посылки вам доставлены и прошу благосклонно принять мое приношение.

Примите, Милостивый Государь, уверение в глубоком моем к Вам почтении и преданности от Вашего искреннего слуги.

Почетный Член Михайловской Артиллерийской Академии и Член-Корреспондент, Артиллерийского Комитета генерал-от-Артиллерии в отставке *Н.П. Федоров*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 60. Л. 1–1 об.].

2 марта 1912 г. Главное артиллерийское управление Военного министерства уведомило В.В. Радлова, что генерал от артиллерии *Н.П. Федоров* скончался [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 64. Л. 144].

Такие поступления из Южной Америки почти всегда носили случайный характер. Сотрудники МАЭ были заинтересованы в приобретении многочисленных коллекций, которые можно было бы выставлять комплексно, показывать культуру народа без искажений.

Для того чтобы лучше понять условия, в которых руководство МАЭ сумело превратить его в ведущий научный и музейно-

просветительский центр, рассмотрим подробнее несколько ситуаций, иллюстрирующих особенности приобретения коллекций из Южной Америки.

В 1907 г. В.В. Радлов писал, что современному музею, если он желает стоять на научной высоте, придется не только непрерывно увеличивать сравнительно-научный материал, черпая его иногда в самых отдаленных частях света, но и быть постоянно готовым на значительные затраты (или даже жертвы),

«дабы спасти вовремя такой материал, который, будучи в данный момент упущен, может либо совсем погибнуть, либо попасть в руки коллекционеров или даже аферистов» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 34].

Одной из форм пополнения фондов был обмен коллекциями с зарубежными музеями. В этот период были собраны коллекции и для межмузейного обмена. Запросы зарубежных музеев на этнографические и археологические предметы из России в начале XX в. были весьма часты. Им требовались сибирские и великорусские этнографические коллекции, фотографии, предметы каменного и бронзового века России, археологическая и этнографическая туркестанская керамика, антропологический материал. Так, обмен дублетами из археологической коллекций Каменского был предложен музеям Мюнхена, Вены, Рима, Флоренции, Парижа, Нью-Йорка, Сантьяго-де-Чили, Буэнос-Айреса и др.

Будучи заведующим Американским отделом МАЭ, Л.Я. Штернберг в 1904 г. был командирован от Императорской Академии наук в Штутгарт как делегат XIV Конгресса американистов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 53. Л. 484]. Эта поездка позволила ему познакомиться с ведущими учеными из Старого и Нового света, установить и закрепить важные международные контакты, включить МАЭ в систему обмена коллекциями и научными публикациями. Международные конгрессы американистов стали крупными научными мероприятиями, участвовать в которых было престижно.

Дружеские контакты установились между Л.Я. Штернбергом и Карлом Хартманом, который в 1908–1923 гг. был директором этнографического отдела Королевского Музея естественной истории [Alvarsson, Brunius 1994]. Их интенсивная переписка (на английском и немецком языках) имела место в 1909–1916 гг.

Карл Вильгельм Хартман (1862–1941) получил образование как ботаник. Он работал ассистентом археолога Яльмара Столпе, который инструктировал его относительно методики археологических раскопок. В 1890–1893 гг. К.В. Хартман принял участие в экспедиции норвежского этнографа Карла Софуса Лумхольца в горы Сьерра-Мадре в Мексике. Лумхольц работал в этой стране с 1890 по 1910 г. Хартман изучал, в частности, особенности использования растений коренным населением. Завершив исследование, он в 1893 г. отправился с Лумхольцем на Всемирную выставку в Чикаго и полгода работал с экспонатами в ее антропологическом отделе, в 1894 г. опубликовал этнографический труд «Индейцы Северо-Западной Мексики». В 1896–1898 гг. Хартман руководил экспедицией в Центральной Америке (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала), в том числе в 1896–1897 гг. занимался археологическими раскопками в северной Коста-Рике для стокгольмского Королевского Музея естественной истории. Одним из первых он стал документировать свои раскопки с помощью фотографирования. В 1902 г. впервые участвовал в XIII Конгрессе американистов в Нью-Йорке. В 1903 г. занял должность куратора по этнографии в Музее Карнеги в Питтсбурге (Carnegie Museum of Natural History, Pittsburgh), осуществил раскопки у г. Nicoya (Costa Rica) для этого музея. Экспедиция получила археологические, антропологические, этнологические материалы, а также занималась антропометрическими исследованиями.

По возвращении из экспедиции Хартман стал одним из хранителей (кураторов) стокгольмского Королевского Музея естественной истории. В 1901 г. он завершил работу над монографией «Археологические исследования в Коста-Рике». Став директором этнографического отдела указанного стокгольмского музея, Хартман совершил несколько поездок в Северную и Южную

Америку для покупки доколумбовых археологических предметов и этнографических коллекций. Как свидетельствуют его письма к Л.Я. Штернбергу, К.В. Хартман сумел организовать сеть поставщиков такого рода коллекционного материала.

К.В. Хартман неоднократно предлагал МАЭ совместные проекты полевых исследований, в том числе в Америке. XVII Международный Конгресс американистов планировалось провести в Буэнос-Айресе (Аргентина) 16–21 мая 1910 г., а вторую его сессию — в Мексике 8–14 сентября 1910 г. К.В. Хартман уговаривал Л.Я. Штернберга отправиться с ним в Мексику и сопровождать его в путешествиях до и после Конгресса американистов, обещал служить переводчиком с испанского, найти наилучшие возможности для приобретения коллекций у индейцев или у посредников (как правило, немцев и шведов). При этом он гарантировал, что коллекции можно будет приобрести на любую сумму. В письмах раскрывалась география собирательских работ и имена собирателей.

Порой К.В. Хартман был настроен скептически:

«Когда наш добрый друг Амбросетти обещал нам бесплатные билеты [на поездку на XVII Международного Конгресса американистов в Буэнос-Айресе в 1910 г. — Е.С.] и оплатить кроме того все расходы в Буэнос-Айресе, и пр., как он это делал в манере всех испано-американцев, когда они говорят вам, что “их дом — ваш дом, а они и их семьи — к вашим услугам”. Это их способ выразить вежливость и добрые чувства, но они были бы шокированы мыслью, что вы воспользуетесь подобным предложением, которое, как замечено, всего лишь изящное выражение.

P.S. Я только дописал это письмо, когда — о, божественная Немезида, звонок министра образования информировал меня, что он получил каблогранму от аргентинского правительства с информацией, что кто-то перевел 70 ф. ст. (1000 крон) на мой счет как делегату. Это — урок мне по испано-американской этнологии, доказывающий, что на Южном континенте концепции иные. Это было очевидно впер-

вы, после Аргентинского Журнала, что они будут одни на конгрессе, что предложение Амбросетти было рассмотрено. Для меня оно поступило слишком поздно. <...> Вы, несомненно, получили такое же щедрое предложение из Буэнос-Айреса и воспользуетесь этим, или Богораз, возможно, поедет в Буэнос-Айрес, а Вы — в Мексику. Я с волнением жду Вашего решения. Если Вы выберете Буэнос-Айрес, то, пожалуй, Богораз будет собирать коллекции в Мексике со мной?» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 61. Л. 51–52].

К сожалению, этот проект, как и многие другие, не состоялся.

С 1 марта 1902 г. по рекомендации проф. Анучина на должность младшего этнографа МАЭ был приглашен Бруно (Бруно Вильгельм Карл Адольф) Фридрихович Адлер (1874–1942), окончивший курс Московского университета, занимавший должность консерватора в Музее Грасси в Лейпциге, изучавший этнографию Северной Азии и Америки, с жалованием 60 руб. в месяц [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 1].

Б.Ф. Адлер работал в МАЭ до 1910 г. как заведующий отделом Китая и Японии, организовывал экспедиции, занимался регистрацией и научным описанием коллекций, неоднократно выезжал за рубеж. В частности, он был знаком с братьями Гансом и Германом Мейерами — владельцами знаменитого издательского дома «Bibliographische Institut», учеными и меценатами. Братья Мейеры стали первыми попечителями и спонсорами МАЭ (Ганс Мейер с 1900 по 1911 гг., Герман Мейер — с 1903 по 1911 г.). Братья соперничали, поэтому устанавливали связи с МАЭ в разное время, не делясь друг с другом подробностями своих деловых отношений.

Семья Мейер до 1914 г. владела успешным предприятием, основанным в 1826 г. Йозефом Мейером (1796–1856) в г. Гота. С 1874 г. Библиографический институт базировался в г. Лейпциг, объединял несколько немецких издателей, выпускал энциклопедические и справочные издания. В России Мейеры финансировали издательство «Просвещение», основанное в 1896 г. в Петербурге группой либералов-народников. В 1902–1908 гг. издательство

достигло расцвета. Только на русском языке вышли «Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания» в 20 томах, серия «Вся природа», «История немецкой литературы» Р. Фогта и М. Коха, «Народоведение» Ф. Ратцеля, «История Земли» М. Неймара, «Человек» Л. Ранке и др.

Старший брат — профессор Ганс Мейер (Hans Heinrich Josef Meyer) (22 марта 1858 — 5 июля 1929) — изучал историю и естественные науки в университетах Лейпцига, Берлина и Страсбурга. В 1881 г. он получил докторскую степень и два года путешествовал вокруг света, интересуясь этнографией и географией. Его специализацией стали горные ледники в тропическом поясе. Он совершил восхождение на вершины гор на Канарских островах (1894), в Эквадоре (1903). Изучал вулканы в Андах, написал книгу о своих путешествиях (1907). В 1899 г. Ганс Мейер стал профессором колониальной географии и политики Лейпцигского университета. В 1910 г. он выделил средства для ставки профессора колониальной географии в университете Берлина. В 1914 г. он вышел из семейного бизнеса и посвятил себя научным исследованиям. В 1915–1928 гг. Ганс Мейер был директором Института колониальной географии (Institut für Kolonialgeographie) в Лейпциге [Germany... 2005: 746–747].

С 1888 г. Ганс Мейер оказывал спонсорскую поддержку Этнографическому музею в Лейпциге (в частности, он передал туда в дар предметы бенинской бронзы) и Музею региональной этнографии (ныне Leibniz-Institut für Länderkunde). В 1897 г. его брат Герман привез туда коллекции из Бразилии.

Ганс Мейер оказал МАЭ серьезную помощь в приобретении ценной южноамериканской коллекции в 1904 г. у инженера Оскара Менгельбира (Oscar Mengelbier). 7 января 1904 г. он писал из Лейпцига В.В. Радлову о желании своего младшего брата Германа пожертвовать МАЭ крупную коллекцию.

«Но Менгельбирова коллекция, как я должен сейчас сказать, будет ему слишком велика для названной цели. Поэтому я решил, со своей стороны, подарить ее Музею».

При его посредничестве коллекция перуанских древностей и чилийских серебряных украшений была приобретена МАЭ гораздо дешевле первоначальной цены. Ганс Мейер предоставил В.В. Радлову

«в распоряжение 3000 рублей для этого приобретения. И к тому же 2000 рублей на шкафы. Итого всего 5000 рублей. Я сделаю это при условии, что Его Превосходительство [В.В. Радлов. — Е.С.] любезно представит меня сразу же после передачи дара к ордену Св. Анны 2-го класса со звездой. Последующее развитие дел по поводу ордена Св. Станислава 1-го класса и т.д. сохраняется. В заключение просьба, чтобы никто, также и мой брат, не узнал о моем дарении, и чтобы это не вошло в напечатанный музейный каталог. Достаточно, если это будет записано в актах Академии, которые никогда не будут опубликованы» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 50. Л. 248–249].

Отметим, что эту просьбу Музей выполнил и сведения о роли Ганса Мейера в этом приобретении в МАЭ не публиковались.

Расходы МАЭ постоянно росли: производился ремонт, надстраивалось здание музея, заказывалось экспозиционное оборудование. Коллекции приобретались на пожертвования, покупались на месте. Единственной рациональной формой собирательства считались самостоятельные экспедиции. Конференция ИФО предоставила директору МАЭ В.В. Радлову право инициативы в деле сборов, выдачи открытых листов командированным [СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 39].

В 1909 г. Конференция Академии наук выделила на МАЭ, в котором было три штатных сотрудника, 5800 руб. в год. На развитие коллекций требовалось 3 тыс. руб., на экспедиции — 10 тыс. руб., на инвентарь — 2 тыс. руб. [СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 90 об., 93 об.]. С 1908 г. на экспедиции и музейные работы МАЭ было выплачено 9455 руб., внебюджетных расходов было более чем на 11 000 руб. Пожертвовано же Музею было око-

ло 10 тыс. руб., и превышение бюджета покрывал Радлов. Братья Мейеры были единственными крупными жертвователями, но их помощь поступала раз в три года, последний раз — в 1907 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1910. Ед. хр. 54. Л. 38 — 39, 44].

Вклад Германа Мейера в пополнение МАЭ не менее весом. Herrmann August Heinrich Meyer (11 января 1869 — 18 марта 1932), младший из шести детей Германа Юлиуса Мейера, изучал этнологию и антропологию в университетах Страсбурга, Берлина, Йены. Получив докторскую степень, он оправился в США, а в 1895–1896 гг. совершил первую поездку во внутреннюю Бразилию, вслед за Карлом фон Штейненом (Karl von den Steinen) продолжая работу немецких исследователей. Одной из его задач было найти истоки р. Шингу. К этому его подвигли успехи брата Ганса в Африке. Открыв р. Штейнена (ныне — р. Atelchu), он почти полгода провел среди индейских народов верховьев Шингу. По возвращении работал в Музее народоведения в Лейпциге, куда в 1897 г. передал часть бразильских коллекций. В 1898–1900 гг. он совершил вторую поездку на р. Шингу. Экспедиция собрала гербарий, насчитывающий более 3 тыс. единиц. Несмотря на многочисленные публикации, достижения Г. Мейера не получили большой известности.

Герман Мейер посетил все немецкие колонии в Южной Бразилии (Petropolis, Florianopolis, Blumenau), основанные еще в 1820-х годах. С 1897 г. он начал приобретать землю для новых немецких колоний. С 1898 г. в верховьях р. Уругвай он приобрел четыре поместья. В Новый Вюртемберг (Neu-Württemberg, ныне — Панамби) он планировал переселить 400 семей, предоставив колонистам землю для обработки. В 1906 г. там жило 650 чел., в 1933 г. — 14 тыс. (из них 12 тыс. немцев). В 1920–1930 годы город считался образцовой немецкой колонией. Два других эксперимента — частные колонии Xingu (ныне — Novo Xingu) и Guaruta — такого успеха не имели [Neumann 2007]. Герман Мейер финансировал поселение, исполнял обязанности консула Бразилии в Лейпциге вплоть до Первой мировой войны. За эти заслуги Deutsches Ausland-Institut в 1931 г. удостоил его награды.

Б.Ф. Адлер, командированный за границу с 25 мая по 15 сентября 1903 г., провел переговоры с д-ром Германом Мейером, известным путешественником по Южной Америке, относительно передачи его коллекций в дар МАЭ (в ее составе была мумифицированная голова из племени шиваро). Коллекция с р. Шингу стала «краеугольным камнем <...> будущих южноамериканских коллекций» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 311 об.].

Сам Герман Мейер объяснил это в письме от 8 октября 1903 г.:

«Я недавно имел удовольствие приветствовать господина д-ра Адлера и подробнее услышать от него о его предстоящих экспедициях. Осуществление его планов представляет большую ценность для науки, и я позволю себе заверить его о моей помощи в этой поездке. Одновременно я обещал ему передать ряд этнографических предметов из области Шингу, которую я посетил дважды, этнографическому музею Академии наук. Одно подобное собрание я составил и позавчера с экспедицией “Гергард и Гей” просил отправить Этнографическому Музею Академии. Это два ящика и один тюк. Я позволю себе следом переслать письменное заявление в Академию наук и был бы Вам с благодарностью обязан, если Вы направите это письмо Академии и ответите» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 50. Л. 224–225].

В письме в ИАН 7 октября 1903 г. он пишет:

«Я покорно прошу коллекцию этнографических предметов, которые я собрал во время двух моих экспедиций в область истоков Шингу в Центральной Бразилии, разрешить передать Музею Академии в качестве подарка. Предметы принадлежат народностям, которые частично только посредством моего посещения в первый раз имели дело с белыми. Эти племена до этого времени не знали железа и изготовляли

свои орудия из камня, кости, зубов и дерева. Описание предметов я позволю себе приложить и располагаю более точными данными об их происхождении и применении. С выражением глубокого уважения, Доктор Герман Мейер» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 50. Л. 226].

Как и старшего брата, Германа Мейера привлекала практика ИАН награждать благотворителей МАЭ российскими орденами. 15 апреля 1904 г.:

«Несколько дней тому назад я возвратился из многомесячной поездки с юга и узнал от моего брата Ганса, что Ваше Превосходительство писал, что дальнейшему предоставлению с моей стороны этнографических предметов для Петербургского Музея будет оказано желаемое действие и Ваше Превосходительство будет любезно настоятельно ходатайствовать перед высшими инстанциями об этом. Я позволю себе с совершенным почтением с доверием направить Вашему Превосходительству специальный вопрос, для какой области для Музея приобретения наиболее желательны, чтобы потом мои распоряжения могли быть правильно выполнены.

Я мог бы, может быть, еще добавить, что я относительно Рыцарского креста 1 класса Королевского Саксонского ордена Альбрехта и др. хотел бы получить специально с Comtur-крестом ордена Св. Станислава, на награждение которым я бы мог рассчитывать вскоре после принятия коллекции. Я был бы очень обязан Вашему Превосходительству, если бы Вы мне сообщили, могу ли я рассчитывать благодаря любезному ходатайству Вашего Превосходительства на это награждение, и что за коллекции поступят специально на сохранение» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 50. Л. 266–267].

6 мая 1904 г. он из Лейпцига послал в МАЭ телеграфом 500 марок, а чек на 8000 марок передал через д-ра Адлера с просьбой:

«Очень было бы мило с Вашей стороны, если бы русская, а также и немецкая пресса не делала бы никаких заметок о моем дарении, так как это легко проникает в немецкие музейные круги» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 50. Л. 270–271 об.].

Это позволило приобрести собрание О. Менгельбира —

«коллекцию из Чили и Боливии, а также из других частей западного побережья Южной Америки. Коллекция эта, содержащая много уникалов, в особенности представляет крупную ценность для нашего Музея, в котором коллекции из этой части света до сих пор совершенно отсутствовали. Кроме объектов чисто этнографических, рисующих прошлое и настоящее быта южноамериканских народов, коллекции эти заключают в себе до 200 пр. перуанских древностей (преимущественно, предметов гончарного искусства времен инков)» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Ед. хр. 79. Л. 140].

2 мая 1905 г. Государь Император соизволил пожаловать д-ру Герману Мейеру из Лейпцига орден Св. Станислава 2-й степени и инженеру Оскару Менгельбиру из Аахена орден Св. Станислава 3-й степени за поднесенные в дар МАЭ южноамериканские коллекции. Орденские знаки и грамоты для названных лиц были препровождены в Императорскую миссию в Дрездене и Императорское посольство в Берлине для передачи по принадлежности [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 57. Л. 13].

Историко-филологическое Отделение ИАН 17 ноября 1910 г. утвердило в звании корреспондентов МАЭ лейпцигского профессора Германа Мейера и бывшего администратора табачных плантаций Дели на Суматре Георга Мейсснера, *«во внимание к тому, что оба названные лица оказали Музею значительные услуги, не раз обогащая его коллекции ценными вкладками в течение многих лет»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 57. Л. 183].

Директор Музея В.В. Радлов в 1911 г. подытожил заслуги Германа Мейера перед ИАН:

«Член Попечительского о Музее Этнографии совета саксонский подданный д-р Герман Мейер, щедрые пожертвования которого в течение многих лет Конференции известны, за последние годы оказал Музею следующие услуги:

1) пожертвовал в 1909 г. очень ценные в научном отношении коллекции из Камеруна, собранные лейтенантом Мансфельдом, всего свыше 500 пр.

2) в 1910 г. принял на себя свыше трети расходов по переустройству и переобустройке Музея и, наконец, в 3-х) в начале мая с.г. приобрел следующие ценные для Музея дублетные коллекции из Стокгольмского музея:

а) коллекция мексиканских индейцев, собранная доктором Бауэром (около 500 пр.)¹

б) коллекция разных племен североамериканских индейцев, собранная М.Р. Гаррингтоном².

в) такую же коллекцию от разных собирателей.

г) этнографическую коллекцию из Гватемалы.

д) археологическую коллекцию из Коста-Рики.

е) коллекцию плетений из Верхнего Конго, всего до 1200 пр.»

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 79–80].

¹ Dr. Wilhelm Bauer, немецкий врач, путешественник и торговец, коллекционировал керамику центральной Мексики, Оахаки и др. районов. Некоторые его собрания пополнили музеи в Берлине, Бремене, Нью-Йорке, Вашингтоне, Мехико. Д-р Вильгельм Бауэр был учеником Эдуарда Георга Зелера, ведущего специалиста по месоамериканским культурам, первого директора отдела американской археологии Берлинского музея народоведения в 1904–1922 гг. Зелер и его супруга в 1887–1911 гг. привезли много предметов из Мексики (в основном, из Оахаки).

² Марк Рэймонд Харрингтон (Mark Raymond Harrington, 1882–1971). Ученик антрополога Франца Боаса, собирал в США этнографические коллекции для многих американских музеев, производил археологические раскопки.

Из уплаченных через Попечительный совет 6000 руб., специально пожертвованных д-ром Германом Мейером для этой цели и положенных им в Банк на текущий счет Попечительного совета Музея, были оплачены счета по омеблировке МАЭ за 1910–1911 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 83]. Для лучшего понимания этого успеха укажем, что в 1910 г. бюджет МАЭ составлял 11 900 руб.

9 декабря 1911 г. Государь Император пожаловал члену Попечительного совета МАЭ (созданного в 1909 г.),

«Саксен-Мейнингенскому подданному д-ру Герману Мейеру ордена Св. Станислава 2-й ст. со звездой, знаки коего, вместе с соответствующей грамотой, будут доставлены по принадлежности через посредничество Императорской Российской Миссии в Дрезден» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 62. Л. 144].

В мае 1912 г. Герман Мейер передал МАЭ еще 10 000 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 64. Л. 176–176 об.]. В 1914 г. он был официально избран в состав Попечительного совета Музея в качестве Почетного члена.

Финансовые возможности позволяли братьям Мейер путешествовать, приобретать вещи на местах, аукционах и у дилеров. Как и многие этнографы того времени, они сами были вовлечены в полевую этнографическую работу и приобрели опыт сбора коллекций. Состав этих собраний во многом определил особенности показа традиционных культур в музейных экспозициях и направление музееведческой науки. Братья Мейеры были вовлечены в комплектование многих музеев. Собранные лично ими и приобретенные на их средства коллекции имеются ныне в этнографических музеях Санкт-Петербурга, Стокгольма, разных городов и земель Германии (Лейпциг, Берлин и др.). В частности, в МАЭ имеются вещи, собранные Гансом Мейером во время экспедиций на Килиманджаро, приобретенные на совместные средства музея и проф. Г. Мейера, из дублетов Стокгольмского Музея

(подаренных Гансом Мейером). Через посредничество Г. и Г. Мейеров МАЭ удалось получить коллекции таких известных собирателей конца XIX — начала XX в., как Вильгельм Бауэр, Оскар Менгельбир, Карл Хартман. География коллекций весьма обширна и охватывает Западную и Восточную Африку, Северо-Восточную (бывш. Немецкую) Новую Гвинею, о-в Цейлон, Западный Индостан, Юго-Восточную Азию, Центральную и Южную Америку и пр. [Соболева 2011].

В 1907 г. В.В. Радлов посетил музеи в странах Северной Европы и Германии (Стокгольм, Копенгаген, Гамбург, Лейпциг, Кёльн, Нюрнберг, Берлин, Дармштадт и др.) [Радлов 1907: 743–748], изучил их архитектуру и организационные структуры, систему регистрации и экспонирования, библиотечное обслуживание и другие практические вопросы. Опыт и достижения этих музеев были учтены при переустройстве МАЭ. С некоторыми музеями установились тесные и, позднее, партнерские отношения. Активная переписка с учреждениями и отдельными лицами велась как на русском, так и на иностранных языках (немецком, французском, английском, испанском).

В 1909–1917 гг. значительную поддержку плановой научной и собирательской деятельности оказывал «Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого при Императорской Академии наук». С 1904 г. В.В. Радлов начал разрабатывать проект положения о Попечительных советах при Музеях ИАН. На заседании Общего Собрания Императорской Академии наук № XIII 14 октября 1906 г. он выступил с предложением выбрать Комиссию для выработки Устава Попечительных советов для публичных музеев Академии наук:

«Опыт всех музеев показал, что при современных требованиях, предъявляемых как наукой, так и обществом к этим ученым учреждениям, правильное функционирование их оказывается возможным только при широком материальном содействии со стороны сочувствующих им элементов самого общества. Все наиболее замечательные мировые музеи, как

Берлинский Museum für Völkerkunde, Нью-Йоркский American Museum of Natural History, Чикагский Field's Columbian Museum и др., уже давно обзавелись особыми Попечительными Советами из лиц, помогающих этим учреждениям изысканием средств для выполнения таких функций, которые являются невыполнимыми при ограниченных суммах регулярного бюджета» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 68 об. — 69].

Собрание постановило образовать для рассмотрения этого вопроса комиссию из директоров академических музеев под председательством академика В.В. Радлова.

Проект положения о Попечительных советах при музеях Императорской Академии наук был представлен академиками В.В. Радловым, К.Г. Залеманом, Ф.Н. Чернышевым, И.П. Бородиным, Н.В. Насоновым как директорами академических Музеев в заседании Общего Собрания ИАН № XV 2 декабря 1906 г. и опубликован в Приложении к протоколам [Там же. Л. 83 об.].

Общее Собрание ИАН утвердило 2 мая 1907 г. Положение о Попечительных советах при музеях Императорской Академии наук. Оно было опубликовано как Первое приложение к протоколу заседания Общего Собрания ИАН № V 10 марта 1907 г. Согласно пункту 4, каждый Попечительный совет, под председательством директора соответствующего учреждения, мог состоять

«не более как из двух представителей ученого персонала данного учреждения по выбору директора и почетных членов в числе не более пяти для каждого учреждения» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 34–35 об.].

Министр народного просвещения А. Шварц 27 февраля 1908 г. утвердил Положение о Попечительных советах при музеях и других ученых учреждениях Императорской Академии наук, с разрешения Императора это Положение было приведено в дей-

ствии, текст его напечатан как Первое приложение к протоколу Общего Собрания ИАН № III от 1 марта 1908 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 19 об.].

Впоследствии Общее Собрание ИАН на заседании № III 5 марта 1911 г. согласилось с доводами В.В. Радлова о необходимости редакции отдельных параграфов:

«На практике оказалось, что некоторые члены переселились из Петербурга или живут постоянно за границей, и это препятствует правильному функционированию Советов. Поэтому прошу Конференцию внести на утверждение следующее примечание к § 4: “В случае, если некоторые почетные члены Совета поселятся постоянно за границей или вне Петербурга, число иногородних членов может быть пополнено соответствующим числом имеющих постоянное жительство в Петербурге”. Положено было в § 3 Положения откинуть слова “в числе не более пяти для каждого учреждения” и представить это изменение на утверждение г. Министра Народного Просвещения (протокол 1 марта 1908 § 45)» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1911. Ед. хр. 158. Л. 39–39 об.].

Министр народного просвещения 18 октября 1911 г. утвердил измененную редакцию и разрешил исключить из § 3, утвержденного 27 августа 1908 г. Положения о Попечительных советах при музеях и других ученых учреждениях Императорской Академии наук, определения числа почетных членов Советов (заседание 5 марта 1911 г. § 90).

Положение в новой редакции было опубликовано как Первое приложение к протоколу заседания Общего Собрания ИАН от 5 ноября 1911 г. и в Памятной книжке на 1912 г. При этом по-прежнему подчеркивалось, что

«почетные члены утверждаются в своем звании, по представлению соответствующего директора, Президентом Императорской Академии наук на пять лет и получают за его под-

писью диплом на это звание. По истечении пятилетнего срока они могут быть представлены на новое пятилетие», а также «для успешного выполнения своего назначения Советы имеют право избирать, с согласия президента Академии наук, членов-[корреспондентов. первая формулировка. — Е.С.] соревнователей, которым выдаются дипломы на это звание за подписью Президента» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1911. Ед. хр. 158. Л. 70 об.]

В депозитах соответствующих учреждений должны были храниться собранные Советами денежные средства, ассигнования их производиться по заявлению соответствующего директора в Совете, сведения обо всех оплаченных Советами расходах, связанных с научными предприятиями, сообщаться Конференции Академии и отражаться в ежегодном отчете о деятельности Попечительного совета при вверенном ему ученом учреждении.

Уже в мае 1907 г. В.В. Радлов с разрешения ИФО ИАН приступил к организации Совета МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 338]. Государственный Совет принял решение о создании Попечительного совета МАЭ во главе с председателем — директором В.В. Радловым; по инициативе последнего был введен институт «члена-корреспондента МАЭ» в отечественном и зарубежном вариантах. Эти нововведения были частью проекта развития музея, разработанного В.В. Радловым к празднованию 200-летию Санкт-Петербурга, получившего одобрение ИФО ИАН 13 мая 1909 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1909. Ед. хр. 8. Л. 2].

Первое заседание Попечительного совета о Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета директора МАЭ В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга и почетного члена инженера-технолога Ф.Ю. Шотлендера. Первый попечитель МАЭ поддержал проект создания в МАЭ нового отдела (Галереи Петра Великого). В здании по Таможенному переулку был надстроен третий этаж, закуплена экспозиционная мебель и оборудованы кабинеты.

21 января 1910 г. академик В.В. Радлов обратился к ИФО с просьбой

«установить новый порядок награждения крупных жертвователей Музея Антропологии и Этнографии орденами, а именно представлять возбуждение ходатайства о таких награждениях Попечительскому Совету при Музее, без внесения этих ходатайств на рассмотрение Конференции».

И это предложение было одобрено ИФО [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1910. Ед. хр. 157. Л. 342 об.].

Первый успешный проект Попечительского совета не мог не привлечь внимания властей. 13 декабря 1911 г. академик В.В. Радлов как председатель Совета обратился к Его Императорскому Высочеству Августейшему Президенту Императорской Академии наук Великому Князю Константину Константиновичу с просьбой утвердить Его Императорское Высочество Александра Георгиевича Князя Романовского Герцога Лейхтенбергского в звании и обязанности Почетного члена Попечительного о Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого совета [СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 66]. 7 марта 1912 г. он обратился к министру народного просвещения, чтобы испросить Высочайшего Его Императорского Величества соизволения на принятие князем Романовским этого звания [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8. Л. 19].

К концу 1913 г. личный состав Попечительского совета выглядел следующим образом: Почетный Председатель — Его Императорское Высочество Князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский, председатель — В.В. Радлов. Почетные члены — И.И. Леман, барон Ф.Е. Мейендорф, д-р Герман Мейер (Германия), В.В. Святловский, Ф.Ю. фон Шотлендер, действительный статский советник Э.Л. Нобель, причисленный к Государственной Канцелярии дворянин Б.А. Игнатъев. Представитель ученого персонала — ст. этнограф Л.Я. Штернберг.

Из депозита Совета были выделены средства на приобретение новых коллекций, командировки лиц персонала МАЭ, пополнение

инвентаря и другие хозяйственно-административные расходы, покупку и переплеты книг, изготовление альбомов Музея для поднесения Высочайшим особам, добавочные расходы по регистрации, составлению каталогов, награды служащим, почтовые расходы и рассылки [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1912. Ед. хр. 161. Л. 402 об.].

За девять лет почетными членами Попечительного совета стали одиннадцать человек, которые живо интересовались судьбой Музея: сановники, промышленники, ученые, которые имели опыт самой разной деятельности. Среди них были как российские подданные, так и иностранные граждане (Германии, Бельгии, Великобритании). Члены Совета оказали МАЭ существенную финансовую и материальную помощь, и при их моральной поддержке дирекции удалось осуществить немало сложных и дерзких проектов. Финансирование вплоть до 1918 г. осуществлялось через банки, которые находились под их контролем (например, Волжско-Камский). Еще одна расчетная книжка лежала в Обществе взаимного кредита деятелей печатного дела. Тем самым МАЭ мог решать текущие проблемы самостоятельно, уведомляя об этом Историко-филологическое отделение ИАН.

С 1907 г. МАЭ получил возможность отправлять научные экспедиции на пожертвования членов Попечительского совета. Для лучшего понимания этого успеха укажем, что в 1910 г. бюджет МАЭ составлял 11 900 руб. Так, в 1914–1916 гг. на средства Б.А. Игнатьева была приобретена ценная коллекция М.С. Андреева по религии Индии; снаряжена продолжительная экспедиция Л.А. и Г.Х. Мерварт на о. Цейлон и в Индию, которым было

«поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел им. Государя Императора» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1915. Ед. хр. 62. Л. 21].

Почетный член Попечительского совета И.И. Леман в ноябре 1910 г. перевел А.В. Фричу в Южную Америку 1000 руб.

«Сборы, очень интересные, уже прибыли в Европу, и находятся пока в Праге, где они по поручению Музея регистрируются, а летом поступят в Музей» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 368–368 об.].

На средства К.К. Шейблера и отчасти Э.Л. Нобеля были командированы в интересах Музея следующие лица: Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельструп и другие в Южную Америку для собирания коллекций в Аргентине, Бразилии и Парагвае; С.Д. Майнагашев — для собирания коллекций среди Минусинских инородцев; И.М. Суслов — в Туруханский край; Д.Д. Иевлев и Г.Д. Федоров — для собирания коллекций среди самоедов, В.М. Лемешевский — в Париж для работ в Сен-Жерменском музее [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 421]. В 1916 г. субсидировались экспедиция С.М. и Е.П. Широкогоровых, которые обследовали ороченов северо-западной Маньчжурии, маньчжуров, дауров и солонов. В.А. Ивановым, последним получившим также субсидию из общемузейных средств, была собрана интересная коллекция по керамике и археологии Бухары (139 пр.). Издан «Путеводитель» по Северной и Средней Америке и подготовлена к печати монография о старинных коллекциях Музея по глинкам и другим народам Северо-Западной Америки [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 427].

Все вышеуказанные меры способствовали пополнению коллекций МАЭ. Для Музея были приобретены крупные собрания известных путешественников. Непростым путем в МАЭ попали южноамериканские собрания чешского путешественника, ботаника Альберта Войтеха Фрича (1882–1941). В.В. Радлов информировал ИФО 5 марта 1909 г., что

«известный коммерческий деятель на Дальнем Востоке Л.С. Скидельский принес в дар вверенному мне Музею антропологии и этнографии ценные этнографические коллекции из быта различных племен Гран Чако в Южной Америке (свыше 1 тыс. предметов), равно как ценные антропологические и ар-

хеологические собрания (череп, предметы каменной культуры) из Парагвая и Патагонии. Эти коллекции приобретены жертвователем от известного чешского путешественника Фрич, лично собравшего их во время последних своих путешествий и снабжавшего свои собрания подробными, крайне важными объяснениями и рисунками.

Считаю справедливым поощрить означенного жертвователя за его ценный дар и побудить его для дальнейшей полезной деятельности в пользу Музея позволяю себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с просьбой исходатайствовать означенному жертвователю награждение, сообразно его крупным и продолжительным коммерческим заслугам.

Жертвователь состоит 18 лет купцом 1-й гильдии и в течение этих лет приобрел на Дальнем Востоке, непрерывно проявляя свою широкую коммерческую инициативу и энергию в самых различных областях промышленности, начиная с железнодорожного строительства в период постройки Уссурийской и Китайской Восточной железных дорог и кончая самыми обширными промыслами в области эксплуатации лесных богатств Уссурийского края и Маньчжурии (собственные лесопильные и деревообделочные заводы, цементное дело, мельницы, собственные железнодорожные пути протяженностью до 12 верст). Район его деятельности обнимает Уссурийский край, Маньчжурию и отчасти Забайкалье, годовой оборот свыше 2 млн рублей.

За свою полезную для края промышленную деятельность равно как за его щедрое пожертвование на дело благотворительности (им на собственные средства построена в г. Владивостоке больница, состоящая из трех каменных корпусов, имени Великой Княгини Ольги Александровны) он получил благодарность от высших представителей администрации края.

По представлению Главнокомандующего армией на Дальнем Востоке, за услуги в деле помощи раненым во время минувшей войны, Высочайше награжден орденом Св. Анны 3 ст.

Принимая во внимание указанные заслуги как в области промышленности, так и в области благотворительности, и, наконец, щедрый и ценный дар вверенному мне Музею антропологии и этнографии, я покорнейше просил бы, в видах поощрения его благотворительной деятельности, исходатайствовать означенному жертвователю звание коммерции советника.

При сем сообщаю необходимые сведения о жертвователе:

Леонтий Семенович (Лейба Шименович) Скидельский состоит 18 лет купцом первой гильдии, из них последние 12 лет во Владивостоке, имеет золотую медаль для ношения на шее на Андреевской ленте и орденов Анны 3 ст. Местожительство его г. Владивосток. Подробные сведения об его деятельности сосредоточены в Амурской Казенной Палате.

Прошу Ваше Высочайшее Превосходительство принять уверения в истинном моем уважении и преданности» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 56. Л. 316].

27 мая 1909 г. Л.М. Скидельскому за дар МАЭ 1700 пр. (сборы А.В. Фрича) была выражена признательность Академии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 56. Л. 330 об.].

Непременный секретарь ИАН академик Сергей Федорович Ольденбург 17 февраля 1912 г. выразил Петру Васильевичу Максиму, русскому посланнику в Бразилии (по совместительству в Аргентине, Чили, Парагвае и Уругвае), в Рио-де-Жанейро благодарность ИАН за содействие А.В. Фричу, откомандированному МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8. Л. 7].

В 1912 г. оплатил и принес в дар МАЭ приобретенную у А.В. Фрича коллекцию по южноамериканской этнографии (400 пр. kadjuveo) Владимир Владимирович Святловский — статский советник, преподаватель Императорского Санкт-Петербургского коммерческого училища, корреспондент и Почетный член Попечительского совета (с 1.06.1910 г.). Он оплатил и собрание муляжей религиозной скульптуры доколумбова периода из Колумбии и гипсовую модель храма, изготовленные в Гейдельберге по отливкам д-ра Стёпеля, а также африканскую коллекцию

(544 пр. из Берлинского Музея народоведения). Они вошли в коллекции МАЭ № 2026, 2052, 2053 [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1913. Ед. хр. 8. Л. 8]. За это его в 1914 г. представляли к ордену Св. Станислава 3 ст. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 66. Л. 247].

В.В. Святловский совершил несколько поездок, в ходе которых приобретал предметы для МАЭ. В 1907 г. — длительное путешествие, когда провел переговоры с руководством музеев Новой Зеландии, Австралии и др. [Соболева 2014], в 1911 г. ему был выдан открытый лист на Балканский полуостров [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 98]. В 1912 г. он был награжден за отлично-усердную службу орденом Св. Анны 2-й ст. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 64. Л. 2], а 1 ноября 1913 г. по ходатайству МАЭ

«пожалован Управляющему делами Его Императорского Высочества Князя Александра Георгиевича Романовского Герцога Лейхтенбергского, Статскому Советнику Владимиру Святловскому чин Действительного Статского Советника» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 319].

И в дальнейшем от В.В. Святловского поступали в кредит МАЭ денежные суммы (в 1916 г. — 500 руб. в Общество взаимного кредита печатного дела) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 68. Л. 6 — 106 об.].

Переписка МАЭ с А.В. Фричем продолжалась вплоть до Первой мировой войны. Чешский путешественник отправлял в МАЭ этнографические предметы, карточный каталог к ним (с выверенными индейскими названиями и комментариями), фотографии и др. От Альберта Войтеха Фрича поступило более 2250 предметов [Ершова, Корсун 2005: 47–50].

Целая плеяда американистов была вовлечена в собирательскую работу [Ершова, Корсун 2005]. В переписке с МАЭ состояли многие видные американисты — сотрудники музеев и университетов: А. Эрнст, Ф. Боас, М.К. Джемс, А.Л. Кребер, Д. Бойлер, А. Грдличка, Ч. Пибоди, Р.У. Брок, Э. Сэпир, Б. Лауфер, К. Уислер,

Э.У. Лендерс, А.Б. Крук, К.П. Уилкомб, Г. Хатт, Е. Уле, К.Т. Пройс, К.Т. Штёпель, Ю. Нестлер, К.В. Хартман, Х.Б. Амброзетти, Р. Леман-Нитше, Э. Мур, А.В. Фрич и др. Некоторые из них приезжали в Россию и посещали МАЭ.

Во время конгресса в Штутгарте Л.Я. Штернберг договорился о принципах поставки в МАЭ коллекций из Америк. Уже 10 ноября 1904 г. В.В. Радлов докладывал ИФО о предложении директора Музея Ла Плата (Аргентина) д-ра Лемана-Нитше вступить в обмен с МАЭ. В состав ответной коллекции В.В. Радлов предложил включить дублеты:

парку из моржовых кишок;
старинную деревянную шляпу;
модель каяка;
метательную дощечку;
гарпун с костяным и каменным наконечником;
две стрелы с каменными наконечниками;
гарпун с костяным наконечником;
лук;
пять стрел;
колчан;
лук, обмотанный шнурками;
гарпун;
трубку [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Ед. хр. 120. Л. 8].

Обмен коллекциями состоялся. Д-р Леман-Нитше продолжал переписку по этому поводу до 1908 г.

12 (25) ноября 1910 г. В.В. Радлов предложил сотрудничество профессору д-ру Эдуарду Муру (Prof. Dr. Eduardo Moore) в Сантьяго-де-Чили: сибирские древности в обмен на образцы археологии и этнографии Чили и др. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 56. Л. 403].

От помощника директора Берлинского музея народоведения Конрада Теодора Пройсса (K.Th. Preuss) в 1910 г. в МАЭ поступила коллекция, собранная в Мексике у индейцев кора и уичоль

[Соколова 2012]. 21 декабря 1912 г. Пройсс предложил продать в МАЭ собрание ботаника Уле (Ule) и д-ра Коха (Dr. Koch), который путешествовал по Бразилии в верховьях Rio Branco до Roraima [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 64. Л. 259]. В коллекцию Э. Уле входило более 150 индейских вещей и фотографии из Северной Бразилии и Венесуэлы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 64. Л. 258]. 8 мая 1913 г. за присланные коллекции д-ру Уле в Берлин было переведено 1050 марок [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1913. Ед. хр. 8. Л. 20–20 об.].

В 1912 г., после XII Конгресса американистов в Лондоне, МАЭ посетили проф. Х. Амбросетти и др. А Грдличка (Aleš Hrdlička). Последний совершал поездку по России и предложил МАЭ обмен коллекциями с музеями США. А нем могли быть задействованы Smithsonian Institution, American Museum of Natural History, Peabody Museum of Harvard University, Anthropological Museum of the Geological Survey, Gov. of Canada, Ottawa и др.

Екатерина Михайловна Романова (10 февраля 1853 — 13 декабря 1925), поступившая приватно на работу в МАЭ в 1902 г., десять лет безвозмездно трудилась над благоустройством библиотеки, наладила обмен изданиями с ведущими зарубежными профильными учреждениями, в том числе по американистике.

9 ноября 1913 г. В.В. Радлов информировал ИФО, что профессор Хуан Баутиста Амбросетти (1865–1917),

«директор Этнографического музея в Буэнос-Айресе, с которым наш музей давно уже состоит в непрерывном обмене, прислал вновь обменный материал — этнографические и археологические коллекции в количестве 314 пр. Этнографическая коллекция, состоящая из предметов быта, культа, орудия и пр., собрана в Боливии, Аргентине, Парагвае и на Огненной Земле. Особенно ценны для Музея предметы двух племен: Она и Яган из Огненной Земли, т.к. в Музее эти племена были до сих пор очень слабо представлены. Археологическая коллекция включает в себе предметы из раскопок в штате Буэнос-Айрес и Патагонии» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 420].

Контакты с Этнографическим музеем университета Буэнос-Айреса начались с 1909 г. Х.Б. Амбросетти, декан факультета философии и филологии университета Буэнос-Айреса, отправил эти предметы в обмен на сибирские (самоедские) коллекции [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 56. Л. 404].

К.К. Гильзен подытожил этот опыт в справке (1917 г.):

«Благодаря содействию и посредничеству директора Этнографического музея Национального университета в Буэнос-Айресе удалось установить обмен дубликатов между нашим Музеем и Музеем в Буэнос-Айресе, причем проф. Амбросетти лично руководил этим обменом и составлял собственноручно обстоятельные списки предметов. Таким образом, наш Музей обогатился с 1909 по 1914 г. всего 746 пр., из них 224 — по этнографии и 522 — по археологии Южной Америки. В 1912 г., после XII Конгресса американистов в Лондоне, проф. Амбросетти посетил Петроград. Он подробно и с большим вниманием осматривал наш Музей, причем в Южно-Американском Отделе давал чрезвычайно ценные указания относительно многих выставленных предметов. Наконец, в 1914 г. проф. Амбросетти оказал очень большие услуги командированным Этнографическим музеем в Южную Америку для сбора этнографического материала Г.Г. Манизеру, Ф.А. Фиельструпу и Н.П. Танасийчуку» [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 5].

Многолетние переговоры и выполнение МАЭ своих обязательств дали значительный результат: к 1913 г. поток коллекций в МАЭ заметно возрос, состав их разнообразился. Квалификация сотрудников МАЭ была весьма высока. Ученые хранители МАЭ неоднократно отправлялись в командировки в музеи зарубежных стран, где могли знакомиться с новыми поступлениями, изучать рынок, работать в библиотеках. Они внимательно отбирали лучшие из предлагаемых МАЭ собраний (в 1910-е годы доминировали предложения из Африки, Китая, Индонезии). Нередко приходилось отказываться от покупки в том случае, если

имелись сомнения относительно происхождения и подлинности вещей, когда отсутствовала детальная дополнительная информация, а также если цены на вещи были неоправданно завышены.

У торговых фирм было куплено несколько интересных коллекций. Британская фирма «W.O. Oldman, Ethnographical Specimens, Eastern Arts, Antique European Firearms» продала МАЭ костюм индейского вождя из Французской Гвианы за 12 £, предлагались и другие южноамериканские вещи [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 52, 148, 149].

Транспортировка ряда этнографических коллекций в МАЭ осуществлялась через Лондон (В.В. Святловского из Океании в 1907 г.) и Ливерпуль (Г.Г. Манизера из Бразилии в 1915 г.), а через английские банки переводились денежные суммы собирателям, работавшим в других странах (1912 г. — М.С. Андрееву в Индию, А.В. Фричу в Латинскую Америку, 1914 г. — Н.А. Невскому в Японию и Китай, 1914–1918 гг. — А.М. и Л.А. Мервартам на о-в Цейлон и в Индию).

С 1899 по 1916 гг. собрание МАЭ по народам Латинской Америки увеличилось более чем на пять тысяч предметов. Были получены многочисленные коллекции от Альберта Войтеха Фрича (более 2250 предметов), Хуана Баутиста Амбросетти (более 700 предметов), Оскара Менгельбира (более 700 предметов), а от участников второй русской экспедиции в Южную Америку музей получил более 750 предметов. Историю поступлений и состав коллекций подробно освещают публикации С.А. Корсуна [Корсун 2015].

Таким образом, в 1910-е годы в МАЭ была создана неплохая научная база для развертывания латиноамериканских исследований. Коллекции постепенно становились доступными для изучения. Желание молодых ученых отправиться в экспедицию было мотивировано общей ситуацией в науке. Руководство ИАН поддержало инициативу молодых людей и сделало всё возможное, чтобы их поездка в Южную Америку состоялась и чтобы они благополучно вернулись обратно.